

*Александр
Тамоников*

БАНДЕРОВСКИЙ СХРОН

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Тамоников, Александр.

Т17 Бандеровский схрон / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-699-95802-3

Великая Отечественная война подходит к концу. Красная Армия добивает фашистов в их логове. Но беспокойно в тылу. На Западной Украине бесчинствуют бандеровцы. Нестор Бабула — из их числа. Кровавый бандит держит в страхе всю округу: грабит, насилует, убивает — мстит за советскую власть. На поиски и уничтожение недобитых отморозков направляется опергруппа отдела контрразведки СМЕРШ под командованием капитана Алексея Кравца. Опытный боевой офицер знает, как прижать хвост зарвавшегося головорезу. Но и Бабула не лыком шит: на его стороне помощь из-за границы и поддержка большинства населения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92802-3

© Тамоников А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

Все, изложенное в книге,
является плодом авторского во-
ображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

1943 год, август

Заскрипела, натянулась ржавая цепь, переброшенная через потолочную балку. Взвыл мужчина в окровавленном комбинезоне, лежащий на верстаке из грубого горбыля. Его руки были скованы цепью, босые ноги со сломанными пальцами оплетали кожаные ремни. Вздучились вены на рассеченном лбу, глаза налились кровью.

Засмеялся мужчина, управляющий лебедкой, кряжистый, обнаженный по пояс, в мешковатых суконных штанах с вшитой мотней. Он еще раз провернул лебедку, прибитую к стене, обшитой драницей. Истязуемый изогнулся, натянулись руки, жирный пот стекал с лица. Специалист работал толково. Боль адская, но еще недостаточная, чтобы потерять сознание.

Ухмыльнулся тучный плешивый субъект в штанах с лампасами и расстегнутой овчинной безрукавке. Он сидел на табурете, откинувшись к стене, и пускал в пространство завитки табачного дыма.

— Вот так и оставь его, Агафон, — проворчал по-украински четвертый мужчина, присутствующий в подвале.

Ему еще не было сорока. Атлетически сложенный, плечистый, с тонким холеным лицом, украшенным окладистой бородкой. Он носил темно-зеленый френч, снятый с плеча венгерского офицера и доведенный до ума. На поясе у него висели кобура с «вальтером» и пистолетный подсумок с запасными обоймами. По лицу скользила циничная усмешка.

На левом рукаве поблескивали три желтые полосы — отличительный знак сотенного командира Украинской повстанческой армии. Мужчина откликался на имя Нестор Бабула, но предпочитал обращение «пан поручик». Он руководил военным кустовым отделом, а также подпольной базой, формально подчиняющейся Злобинскому территориальному отделу ОУН.

Бабула оторвался от стены, где стоял со скрещенными руками, подошел, плавно ступая. Он с любопытством смотрел в глаза пленника, затянутые предсмертной дымкой. Его одолевало извечное любопытство. Что чувствует человек, осознавший, что жить ему осталось недолго? Что происходит в глубинах психики смертника?

В глазах пленного стояла тоска. Он пытался сохранить выдержку, даже презрительно усмехнулся, когда перехватил взгляд офицера, склонившегося над ним. Узник побагровел, напрягся, заскрипела ржавая цепь. Надсадный кашель вырвался из сдавленной груди.

— Продолжать, пан поручик? — спросил субъект с голым торсом, рядовой Агафон Карагуля.

— Без толку, не скажет он ничего, — отмахнулся плешивый мужчина в безрукавке, заместитель командира отряда, он же начальник разведки хорунжий Вавила Смorchук. — В расход его, и все дела. — Он шумно затынулся, окутал себя прогорклым дымом.

Тлеющая сигарка обожгла пальцы, Смorchук ругнулся, бросил ее под ноги, растоптал.

— Добавь малость, Агафон, — вкрадчиво попросил Бабула.

Заскрежетала лебедка, нечеловеческий крик вырвался из глотки пленника. Трещали кости, рвались сухожилия.

Карагуля оскалился, выжидающе уставился на командира. Смorchук зевнул. Бабула поморщился, слегка отодвинулся. Слишком много отверстий у человека, и из каждого может что-нибудь хлынуть.

— Представитесь, уважаемый? — спросил Бабула.

Пленный тяжело дышал, обливался испариной. Он стиснул зубы, чтобы не радовать палачей своими воплями.

Это был парень лет двадцати пяти, видимо, недавний выпускник военного училища. В искаженное лицо намертво впаялись десять классов образования.

— Лейтенант Савочкин, — прохрипел он.

— Советский Союз, — заявил Карагуля, перехватил пронзительный взгляд командира и заткнулся.

Советский парашютист, член несостоявшейся диверсионной группы. Что ж, бывает. Их часто забрасывают в Восточную Галицию, хотя линия фронта пока еще далеко. Они пытаются связаться с красными партизанами, блуждают по незнакомой земле, в итоге попадают к бойцам УПА, знающим местность как свои пять пальцев.

Отряды Ковпака ходят рейдами по Волыни и Галиции. Единственный свой козырь — скрытные перемещения — они утратили. Отряды разрознены, связи между ними нет.

Немцы и борцы за вольную Украину постепенно выдавливали партизан в Полесье. Советскому командованию приходилось принимать меры, чтобы сохранить боеспособность этих групп.

Рейд Ковпака, аж целого генерал-майора Красной армии, заставил поволноваться не только немецкое командование. Под эгидой ООН повсеместно формировались отряды Украинской национальной самообороны. Они состояли из жителей мелких городов и сельских общин. Оружия у них не было. Крестьяне вооружались вилами, топорами, патрулировали окрестности своих сел. Зачастую формально, чтобы не навлечь на свои головы гнев всесильной службы безопасности ООН, прославившейся не самыми рыцарскими методами.

Трех парашютистов выявили вчера на рассвете. Житель соседнего хутора увидел три купола в сереющем небе и сразу сообщил на передовую заставу. Хлопцы мигом доложили командиру.

Москалей обложили в Кабаньей балке, в трех верстах к югу. Они приземлились неудачно. Один повредил ногу, другой зацепился за ветку стропой.

Снять его товарищи не успели. Хлопцы на-шпиговали их свинцом, а потом смеялись, изощ-рялись в остроумии над висящим диверсантом. Тот не мог самостоятельно слезть, стонал от от-чаяния, извивался, пытаясь дотянуться до ко-буры.

Потом кто-то залез на дерево и перерезал стропы. Перезрелый плод свалился в ноги ржу-щим борцам за самостийность. Это чудо еще пыталось драться, махало кулаками. Его хоро-шенько стукнули, связали руки, погнали на ху-тор, не тащить же на себе. Мертвых сбросили в овраг, закапывать не стали, оставили на потеху лесной живности.

Документов при себе у диверсантов не было, но разве что-то неясно? Пленника пытали с не-большими перерывами, оттачивали навык ку-лачного боя, погружали в бочку с водой, крови-щи из него выпустили немерено. Ничего, зараза, не сказал.

— Откуда ты, лейтенант? — вкрадчиво спро-сил Бабула, который неплохо говорил по-рус-ски. — С какой целью заброшен, с какого аэро-дрома прилетел ваш самолет?

— Из Ленинграда я. Какая тебе разница, сво-лочь? Не скажу ничего, прихлебатель фашист-ский.

— Последний шанс у тебя, лейтенант Савочкин. — Бабула пока еще сдерживался, улыбался. — Мне, собственно, без разницы, из какой ты части и кто тебя отправил. С кем ваша группа должна была связаться? В какой квадрат вы метили? С кем планировали встретиться? Где находится партизанский отряд? А я, так и быть, подумаю, сохранить ли тебе жизнь. Будешь говорить?

Пленный молчал.

Бабула подал знак, и Карагуля схватился за лебедку. Москаль извивался, рвались связки и суставы. Потом измученное тело рухнуло на дощатый верстак.

В принципе Бабула знал, что красных партизан в Злобинском районе нет. Были, но давно ушли, потому как не встретили понимания у местных жителей. В противном случае ему доложили бы. В каждом селе, на любом хуторе имелась агентура.

Диверсанты промахнулись, прыгнули западнее. Возможно, их командование дезинформировали. Такое тоже случалось.

— Не хочешь разговаривать, Савочкин? Хорошо подумал?

— Да пошел ты, гнида фашистская!

Немецких захватчиков Бабула не любил. Сотрудничал с ними, выслуживался, но все равно терпеть не мог.

Третий рейх не собирался создавать независимое украинское государство, хотя два года назад многим казалось обратное. Повелись национа-

листы на заманчивую перспективу, отключили головы. Вот и приходилось им теперь прозябать в подполье.

Но советскую власть Нестор Бабула не любил еще больше. Это было что-то патологическое, звериное, на уровне рефлексов и инстинктов. Насмотрелся с тридцать девятого по сорок первый, хватит.

— Скажи, ты веришь в загробную жизнь?

— Нет, — прохрипел парашютист.

Зачем он об этом спрашивает? Даеть воинственный материализм и атеизм на шестой части суши!

— Ну что ж, лейтенант, тогда хороших новостей для тебя у меня нет.

По знаку заработала лебедка. Взвилось тело, забилося в судорогах от нечеловеческой боли. Конечности выворачивались из плечевых сумок. Рук у офицера уже не было. Они держались на полосках кожи, болтались, как пустые рукава. Голова откинулась назад.

Бабула подавил в себе искушение рубануть чеканом по шее москаля. Ведь надо иногда себе в чем-то отказывать. Карагуля, закусив губу, ослаблял натяг цепи. Сморчук зевал, набивал табаком очередную сигарку.

Пленник рухнул на доски и не шевелился. Хотя, возможно, жизнь еще теплилась в нем. Парень из Ленинграда был крепким, отъелся на комиссарских харчах. А немцы слабаки. Третий год не могут взять этот город.

— Ну и куда его теперь? — озадачился Карагуля. — Не жилец он, пан поручик, домучили скотинку.

— Вот свиньям его и отдайте, — проворчал Бабула, направляясь к лестнице. — Пусть полакомятся.

— А они будут жрать кацапа? — спросил Карагуля.

— Будут, — заявил Сморчук. — У Якова сознательные свиньи.

— Ладно, уберите тут, — распорядился Нестор, выбрался во двор, развалился на заваulinке и вытянул ноги в яловых сапогах.

Начинался летний день. Солнце поднялось, дул освежающий ветерок. По небу плыли перистые облака. Сурово шумел лес, окружающий хутор Рогуч.

Потрепанный отряд Бабулы пришел сюда три месяца назад. На хуторе формально хозяйничал Яков Коряк, крепкий крестьянин, предоставивший свои владения борцам за Украину. Попробовал бы только отказать!

Хутор располагался в выгодном месте, недалеко от вертлявой Козынки с заросшими берегами. До ближайшего села Бережаны — пятнадцать верст. До Злобина — еще шестьдесят. Все значимые дороги в стороне. Вокруг дремучий лес, пройти через который могли только местные жители. Дубы, осинники, еловые чащи, чересполосица оврагов и заболоченных низин.

К хутору вели две дороги, но еще в мае люди Бабулы подорвали обрыв, по которому тянулась одна из них, и теперь на том месте зияла внушительная бездна, покорить которую могли бы лишь крылатые существа. Вторая дорога через Козлиную балку контролировалась оуновцами. Там имелись застава и надежная система оповещения и сигнализации.

Семейство Якова периодически ездило на базар в Бережаны, но никогда не делало это в полном составе. В целях безопасности отряда кто-то всегда оставался на хуторе.

Бабула извлек из кармана пачку дрянных немецких сигарет, закурил, с отвращением втянул горький дым.

Хутор жил своей жизнью. Кудяхтали куры, мычала корова. У хозяйственного Якова имелись и поросята, и утки. Борцы за Украину особо не нагнали, своего человека не грабили.

Хутор на одну семью был, в сущности, немаленький. Яков еще до тридцать девятого года возвел пристройку к основной хате, срубил баню, навес для повозок и скота, пару сараев. Как он выжил и сохранил свое хозяйство во время красного лихолетья — уму непостижимо. Просто повезло. Сотрудники НКВД и прочих компетентных органов не совались в такую глухомань. При немцах Якову тоже подфартило. Он выкрутился, сохранил свое крепкое хозяйство.

Бабула щелчком отправил окурок за горку сосновых чурок, потянулся.